

УДК 947

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/49/59>

«ТРУДОВОЙ НАРОД» КАК ОБЪЕКТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НЕОНАРОДНИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

©Протасова О. Л., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-код: 3562-1950, канд. ист. наук,
Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

©Пирожкова И. Г., ORCID: 0000-0003-4034-7327, SPIN-код: 6274-7390, канд. ист. наук,
канд. юрид. наук, Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия, 0_1_23456789@list.ru

‘LABOR PEOPLE’ AS AN OBJECT OF IDEOLOGICAL INFLUENCE OF NEO- POPULAR PARTIES OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

©Protasova O., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-code: 3562-1950, Ph.D.,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia, olia.protasowa2011@yandex.ru

©Pirozhkova I., ORCID: 0000-0003-4034-7327, SPIN-code: 6274-7390, Ph.D., J.D.,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia, 0_1_23456789@list.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена недостаточным освещением в современной исторической литературе ряда тех сторон деятельности партий демократического социализма, что касаются характера взаимодействия этих партий с предметом их политической заинтересованности и социальной заботы — трудовыми массами города и, в особенности, деревни. Возможно, данная проблематика не столь масштабна, чтобы претендовать на звание «фундаментальной» — она не связана напрямую с идеологической борьбой в партийных элитах, зато объемно иллюстрирует рабочие процессы, шедшие внутри народнических партий на всех уровнях — от лидеров–теоретиков до активистов низовых организаций. Народническое течение в начале XX века представляли партии социалистов–революционеров (образование путем объединения эсеровских групп — 1901–1902, окончательное организационное оформление — декабрь 1905 г.) и народных социалистов (идея создания — 1905, организационное оформление — 1906 г.). Рассматривается механизм определения народническими партиями начала XX века своей «целевой аудитории» — трудового населения, включавшего рабочих, трудовое крестьянство и трудовую интеллигенцию. Выявляется мотивация такого выбора, оценивается его справедливость. Анализируются основные коммуникационные приемы работы с трудовым населением, используемые неонародниками в своей общественно–политической практике, и сравнивается отношение к этому виду деятельности большевиков, эсеров и народных социалистов. Показано политико–прагматическое и человеческое отношение неонародников к «трудовому народу» как объекту идеологического воздействия, анализируются мероприятия, проводимые народническими партиями с целью гражданского воспитания, развития правового самосознания и человеческого достоинства беднейшего населения трудовой России.

Abstract. The relevance of the study is due to the insufficient coverage in modern historical literature of a number of those aspects of the activities of the parties of democratic socialism, which relate to the nature of the interaction of these parties with the subject of their political interest and social concern — the working masses of the city and, in particular, the countryside. Perhaps this issue is not so large as to claim the title of ‘fundamental’ — it is not directly related to

the ideological struggle in the party elites, but it does illustrate the work processes that were going on within the Narodnik parties at all levels — from theoretical leaders to activists of grassroots organizations. The Narodnik movement at the beginning of the twentieth century was represented by the parties of the Socialist Revolutionaries (an association — 1901–1902, organizational design — the end of 1905) and people’s socialists (idea of creation — 1905, organizational design — 1906). It considers the mechanism by which the Narodnik parties at the beginning of the twentieth century determine their ‘target audience’ —the working population, which includes workers, the labor peasantry, and the labor intelligentsia. The motivation of such a choice is revealed, its justice is evaluated. The basic communication methods of working with the working population used by neonarodniks in their socio–political practice are analyzed, and the attitude to this type of activity of the Bolsheviks, Socialist–Revolutionaries and people’s socialists is compared. The political–pragmatic and human attitude of neo-Narodniks to the ‘working people’ as an object of ideological influence is shown, the measures carried out by the Narodnik parties for the purpose of civic education, the development of legal consciousness and human dignity of the poorest working people of Russia are analyzed.

Ключевые слова: идеология, народничество, марксизм, трудовой народ, крестьянство, пролетариат.

Keywords: ideology, populism, Marxism, working people, peasantry, proletariat.

На сегодняшний день в отечественной исторической науке опубликовано немало интересных исследований разнообразной тематики, посвященных небольшевицким социалистическим партиям — меньшевикам, социалистам-революционерам, народным социалистам. Интерес к ним существенно возрос с конца 1980-х гг., когда стало возможным изучать и, главное, описывать их без политически заданной тенденциозности, принятой в СССР. Тем не менее, далеко не все аспекты их идеологического наследия и деятельности, роли и места в отечественном и международном демократическом движении, как и базовые социодемографические характеристики состава, до конца изучены.

В настоящей статье обращается внимание на один из таких неполно исследованных сюжетов, а именно — определение своей целевой аудитории как объекта идеологического воздействия (просвещения, пропаганды и агитации) народническими партиями в начале XX века. В качестве таковой социалисты–революционеры и народные социалисты рассматривали всю совокупность российских трудящихся — жителей города и деревни, представителей физического и умственного труда.

Цель нашей работы — выявить мотивацию такого выбора и оценить его справедливость. В качестве задач выступают анализ основных коммуникационных приемов работы с трудовым населением, которые использовали неонародники в своей общественно-политической практике, и сравнение отношений к этому виду деятельности большевиков, эсеров и народных социалистов. Объектом исследования можно считать характер (тематику, степень экспрессии, стиль, язык и пр.) идеологического воздействия исследуемых партий на свои целевые группы.

Предмет исследования — идеологическая и коммуникационная работа среди трудового (в первую очередь, крестьянского) населения активистов партий социалистов-революционеров и народно–социалистической.

Основные методы данного исследования:

- системно–структурный (в общем контексте рассматриваются все вопросы, связанные с неонародничеством как значимой частью российского демократического социализма в России);
- компаративный (сопоставлены взгляды партий эсеров и народных социалистов на проблему формирования гражданского сознания у трудящихся);
- обобщение (выявлены общие принципы этих взглядов);
- метод исторической персонификации (выделены деятели, внесшие наиболее существенный вклад в обсуждение данной проблемы).

Народничество — мощное и влиятельное социалистическое течение, отнюдь не однородное, а, напротив, объединявшее множество «поток» с разными нюансами оттенков, имело общую платформу: в качестве объекта своей политической заботы выделяло «трудовой народ» — «триединство рабочих, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции».

Впрочем, эта формула, закрепившая народнический ориентир идеологического воздействия, появилась и прижилась далеко не сразу: первые поколения народников 1860–70-х гг. действовали еще в той России, где «пролетариат» был скорее абстрактной категорией, или, по терминологии Макса Вебера, «идеальным типом», чем реальной социальной величиной — классом. В 1880-е народничество на время сдало идейные позиции марксизму — более научному и «интернациональному» социалистическому учению. Марксист Н. В. Вольский (Валентинов) спустя много лет писал: «Марксизм был вестником, несущим обещание, что мы не останемся полуазиатской страной, а из Востока превратимся в Запад, с его культурой, его учреждениями и атрибутами, представляющими свободный политический строй ...» [1, с. 40]. С марксизма начинали свою общественно–политическую карьеру П. Б. Струве, прославившийся впоследствии как либерал, и В. М. Чернов — лидер народнической партии социалистов–революционеров. Они сумели в своих убеждениях совместить ряд философско–экономических «удач» марксизма с этическими и организационно–политическими принципами своих менее воинственных и радикальных идеологий. И Чернов, и Струве, и начинающий политик Ленин доказывали, что в 1880-е годы народнический социализм «устарел», «изжил себя», но это относилось, как показало время далее, не к области научных знаний, а к моде [2, с. 146]. Как и все остальное в человеческом мире, идеологии подвержены ей. В 1880-е явным «трендом» стало расчетливое, индифферентное ко всему национальному учение Маркса, но в следующем десятилетии, в 1890-е гг., народничество стало оживать, и между ним и марксизмом развернулась знаменитая полемика, заставившая марксистскую молодежь уточнить свои взгляды и оттянувшая часть ее в народнический лагерь. Умеренный народник А. В. Пешехонов, никогда не увлекавшийся идеями Маркса, писал о полезности идейной борьбы с марксизмом прежде всего для народничества, поскольку «оформила и консолидировала (его) как течение» [3, с. 20], заставив обновиться в духе времени. Пешехонов полагал, что, хотя старых народников справедливо упрекали за идеализацию народа, этот факт сыграл и положительную роль, привлекая внимание интеллигенции к трудящимся деревни, перед которыми она в неоплатном долгу. Новое поколение народничества уже не считало крестьянина социалистом «по природе», хотя видело в крестьянстве базу для прогрессивных изменений в социуме: как–никак, это сословие составляло львиную долю населения империи. Объем просветительско–развивающей работы, который предстояло при этом проделать в деревне (да и в городе тоже) они оценивали весьма здраво, так как многие будущие деятели народнических партий

начинали свою профессиональную и общественную карьеру в земских учреждениях. Народническая молодежь признавала не только полезность народного просвещения, но и необходимость политической борьбы за гражданские свободы. Это «отредактированное» в соответствии с велениями времени и под влиянием философских и экономических книжных новинок течение для ясности стали именовать «неонародничеством». От легального народничества старого образца новое поколение сочло нужным перенять основные этические принципы, что впоследствии продемонстрировала политическая деятельность умеренных эсеров и народных социалистов.

По справедливому замечанию А. В. Шубина, «явление марксизма в России проходило в такой форме, что обмен идеями то и дело перерастал в склоку» [4, с. 498]. Особенно актуально это утверждение по отношению к левому сектору русской социал–демократии, где тон задавал В. И. Ленин, не терпевший даже намеков инакомыслия среди «своих» и безжалостно клеймивший тех, кто смел усомниться в непреложности утверждаемой им идейной «истины». Для завоевания популярности у малообразованного населения, для наглядности и доступности мудреных формул марксистское учение сознательно упрощалось, во многих случаях даже примитивизировалось пропагандистами. Стараясь говорить с рабочими на их языке и преследуя свои политические цели (расширение аудитории), российские левые марксисты, интерпретируя, нередко искажали смысл классического учения Маркса. Подавалось же это как «единственно верное учение», и малограмотные слушатели, не имевшие возможности сравнить такой вольный пересказ с оригиналом и не привыкшие анализировать, доверчиво принимали все как догму. Следует справедливости ради заметить, что среди распространителей марксизма был высок процент практически необразованных людей, искренне убежденных в том, что говорят они только правду и говорят именно так, как это имел в виду сам Маркс.

По-иному действовали начинавшие с марксизма будущие народники, более демократичные в определении своей «целевой аудитории» и более уважительные по отношению к ней. Они старались не просто заразить бедноту громкими фразами и внушить ненависть ко всем, кто живет богато или хотя бы относительно благополучно, но заботились о развитии трудящихся в гражданском и личностном смыслах, пытались внушить смысл понятия «социальная справедливость». Они рассуждали об участии трудового элемента в строительстве социалистического общества, о будущей роли рабочих и крестьян в управлении государством. Для того, чтобы это стало возможным, планировалась и в течение многих лет осуществлялась каждодневная «черновая» работа с населением, завязывались на долговременной основе контакты партии с демократическим элементом города и особенно села, оказывалась помощь в организации и работе крестьянских общественных объединений.

Модернизация России в начале XX в. заставила пересмотреть надежды народничества о возможности движения к социализму, избежав капиталистического пути. Поскольку законы социально-экономического развития в принципе универсальны, Россия не миновала дороги, проторенной Европой (конечно, с собственными нюансами), и постепенно капитализм вторгался во все сферы общественного бытия. Социально–экономические изменения, начавшиеся в стране, объективно привели в движение и само российское общество, обострив чувство неудовлетворенности значительных масс населения своим положением, создав обстановку ожидания перемен – неясно и неважно, каких именно, но, скорее всего, к лучшему [5, с. 23]. К результатам всех этих трансформаций отношение общественно активной части страны было неоднородным и неоднозначным. В любом случае, объективная реальность требовала переосмысления «классической» народнической доктрины, чем и занялись теоретики неонародничества, центральное место среди которых по праву занял

В. М. Чернов. Он был не только подкован научно и философски, но и, пройдя в молодые годы «школу» провинциального земского служащего, был отлично знаком с объектом своей идейной заботы – трудовым крестьянством. К этим достоинствам следует прибавить неистощимую энергию, которая непременно способствует завоеванию звания харизматического вождя (а его, по крайней мере, у большинства членов своей партии, Чернов завоевал!), и острое перо, позволившее Чернову–публицисту создать настоящую антологию неонароднических воззрений на проблемы России и вопросы социализма.

Стараниями Чернова народничество, чисто русский идеологический феномен, было избавлено от устаревших к тому времени постулатов концепции самобытности России, и направлено к сближению с доктриной западноевропейской социал–демократии. Впоследствии, когда Чернов и многие его соратники из лагеря русского демократического социализма оказались в эмиграции и прошли инкультурацию в европейскую политическую среду, творческий синтез западноевропейских теорий с основными моментами народнической доктрины стал еще более органичным и явным, хотя слово «народничество» за утратой российской «почвы» и, соответственно, утерей актуальности уже практически не употреблялось.

В. М. Чернов полагал, что пролетария и крестьянина социально объединяет «труд как определенная политико-экономическая категория», лежащая в основе их жизнедеятельности, а также беспощадная эксплуатация со стороны крупного капитала. Чернов, в отличие от марксистов, отказывается рассматривать крестьянина как мелкого буржуа, поскольку источником существования для него являлись не рента и прибыль, а своеобразная заработная плата за его труд на земле, дававшая крестьянину лишь минимальный прожиточный доход. Следовательно, при одном и том же эксплуататоре — капитале, от пролетария крестьянина отличает лишь форма эксплуатации. На этом основании Чернов считал естественным рассматривать крестьянство и пролетариат как представителей единого рабочего класса. Впрочем, часть крестьянства, использовавшая в своем хозяйстве наемный труд и извлекавшая прибыль, из этой «трудовой» категории Черновым была исключена. Кулаков эсеровский идеолог относил к сельской буржуазии. Эсеры, не идеализировавшие общину, все же видели в ней полезность, поскольку она может послужить основой для социализации земли скорее, чем индивидуальное или подворное землевладение – она проще преодолет, растворит коллективно-собственнические, чем индивидуально-собственнические установки крестьян. К тому же коллективизм, привычный крестьянину европейской части империи, выражался в следующем: там, где крестьянство вдруг получало возможность самостоятельно организовать свои поземельные отношения, возникали разные формы общины, причем такая картина наблюдалась даже в необщинных губерниях [6, с. 122–123].

Потенциальная революционность трудящихся масс с точки зрения народнических партий не была однородной. Пролетариат признавался ими как наиболее передовой, активный и политически заинтересованный сегмент трудящейся массы, но и прочие категории трудящихся, непосредственно не производившие материальных ценностей, не говоря уже о крестьянстве, для социалистов–народников представляли собой достаточно перспективный «материал». С крестьянством требовалось, конечно, проделать колоссальную развивающую работу, но крестьянское сословие составляло абсолютное большинство подданных Российской империи, и игра стоила свеч — это понимали те, кто предпочел в 1890-х гг. народничество марксизму, набиравшему все большую популярность в России и постоянно подпитываемому идейными новинками от европейских социалистов.

Первую русскую революцию по характеру эсеры определили как «социальную» — как своего рода «мост» между буржуазной и социалистической. Буржуазия, по их мнению, не

могла не только вдохновлять и возглавлять ее, но и быть в числе ее движущих сил, поскольку после реформ Александра II, позволивших начаться процессам капитализации в стране, общее направление социально-экономического развития было для буржуа вполне удовлетворительным. До социалистической же революции пока было далеко из-за моральной и материальной неготовности основных демократических сил к осуществлению таких процессов. Подготовить их должна была социалистическая партия как оплот «трудового народа» в его единстве. Главным импульсом революции они видели аграрный вопрос — краеугольный камень всех российских проблем, с точки зрения народничества (народные социалисты придерживались такого же мнения). Переход к социализму, считали неонародники, должен совершиться мирным, реформистским путем. Таким образом, революционаризм эсеров состоял не в том, что их партия должна была готовить и организовывать революцию путем вооруженного восстания, а в требовании кардинального, качественного изменения социально-политической системы государства и подготовке к обществу будущего трудовых масс. Зато сам идеал народников — демократический социализм — в тогдашних реалиях представлялся многим едва ли не утопической картиной, во всяком случае для «лапотной» России. Этот идеал у неонародников революционных (эсеров) и умеренных (энесов) был схож, только методы борьбы за него различались степенью резкости, радикализма.

Народные социалисты не могли совсем не признавать роль классовой борьбы, но особого внимания на ней не акцентировали. По их убеждению, классовые интересы, как правило, достаточно узки, ограничены групповым кругозором, и класс в общественной борьбе отстаивает только их, не принимая в расчет интересов остальных, напротив, часто действуя в ущерб им. По этой причине энесы не считали возможным доверить одному классу миссию защиты прав каждой человеческой личности. Пролетариат, по их мнению, не слишком выделялся среди прочих трудовых классов своей революционностью и, тем более, политической грамотностью (они вообще довольно скептически оценивали модернизационные перемены, происходившие в российском городе). Для того, чтобы борьба была действенной, успешной и полезной, все трудящиеся классы должны быть объединены. Необходимость такой интеграции они подчеркивали настойчиво, неустанно на протяжении многих лет — вплоть до 1917 года. Возглавить же курс на классовую интеграцию трудового элемента, просвещая и развивая его одновременно, должна была, по их мнению, прогрессивно мыслящая интеллигенция.

Члены народно-социалистической партии, а также беспартийные, но сочувствовавшие ей (таких было немало, в том числе — чрезвычайно известные и уважаемые люди, например, знаменитый писатель В. Г. Короленко), мечтали о том, что с введением настоящей конституции все, включая простонародье, сделаются гражданами — настоящими Людьми, а не «людьми». Отводя крестьянству исключительное место в общественном движении, народники надеялись, что это обретение себя как гражданина, личности скажется на самосознании мужика, он задумается о себе и подобных ему, разовьется умственно и душевно, у него появится интерес к дотоле далеким и чуждым для него вещам, как, например, газета, книга, общечеловеческая мысль [7, с. 50]. С радостью умеренные народники констатировали в 1905 г. рост крестьянского движения, отметив его всеобщность и повсеместность. Понимая, что в сознании как рабочих, так и крестьянства экономический момент сильно превалирует над политическим, они не видели в этом особой беды, так как в жизни эти два момента были неразрывно связаны. Что касается точки зрения на крестьян и рабочих как представителей различных классов, то народные социалисты и тех и других

относили к единому «трудовому народу», который в критические для него минуты из «бессвязных толп» должен превратиться в «великую и единую социальную силу» [8, с. 214].

Эсеры начали работать в деревне с самых первых лет XX века, задолго до официального оформления своей партии и принятия ее уставных документов (это произошло лишь в декабре 1905 — январе 1906 гг.). К этому времени партия стала общеизвестна в России, провела целый ряд громких террористических актов и вела обширную коммуникационную деятельность с интересующей ее аудиторией — рабочими и крестьянами. Пропагандистская и просветительская литература «для народа» в основном была выдержана в заботливо-поучительном тоне, нередко материалы подавались даже в стихотворной форме — для облегчения восприятия и яркости образов, но в то же время авторы таких сочинений старались исподволь внушить мужику мысль о необходимости расширения круга жизненных интересов за пределы семьи, хозяйства и урожая, и о связанных с этим потенциальных возможностях. Иллюстрацией успехов, которыми не без оснований могли гордиться социалисты-революционеры, может послужить материал, опубликованный в 1903 г. в «Революционной России». Организационно-пропагандистская работа с распространением партийной литературы среди крестьян к тому времени велась уже третий год, и эсеры не зря были весьма довольны результатами, так как, например:

- «1) неизвестны случаи выдачи крестьянами своих учителей-пропагандистов;
- 2) признание крестьянами эсеровской литературы как выражающей их проблемы, их чаяния;
- 3) крестьяне сами начали распространять нелегальную литературу» [9] и т. п.

Взрыв социальной активности крестьянства совпал с моментом переустройства политических форм государства. Косное и совершенно безразличное ко всему, что не касается непосредственно его хозяйства и личного или семейного благополучия, в 1905 г. крестьянство действительно начало подавать признаки жизни на общественной арене. Народники всегда связывали пассивность крестьянства с тем, что на протяжении многих веков оно терпело бесконечные лишения и унижения, оставившие глубокий след в его психике. Привыкшие считать себя низшей людской категорией крестьяне приучились противопоставлять себя всему остальному миру [10, с. 148] — ощущать своего рода коллективную социальную фрустрацию. Позднее неародники признавали в целом аполитичность крестьянской борьбы (этот факт расценивали как следствие индивидуалистических тенденций в крестьянстве), и старались сделать все, чтобы избежать пагубных последствий такого индивидуализма — анархизма, захватов чужих земель, конкуренции и вражды между крестьянами. Единственным средством против этого было бы, по их убеждению, решение аграрных проблем в государственных формах. В таком случае крестьянство даже на данном уровне своего развития могло бы найти путь и к осознанию своей человеческой и гражданской ценности и к участию в государственном творчестве. Роль государства во всех вопросах социального характера, не говоря о политических, в представлении умеренных народников была исключительно важной. Они всегда заявляли о своем этатизме; в их концептуальных рассуждениях не было ни слова о постепенном отмирании государства по мере приближения к социализму, как у марксистов, и о «ночном стороже» — либеральном идеале. Столыпинскую реформу, направленную на разрушение общины и привитие крестьянству индивидуалистических начал ни народники-социалисты, ни тем более эсеры, приветствовать не могли. По мнению А. В. Пешехонова, энесовского эксперта по аграрному вопросу, страстного критика П. А. Столыпина и его реформистских начинаний, меры, предусмотренные правительством по отношению к сельским труженикам, способствуют разжиганию ненависти «неустроенных» к сильным, младших детей к старшим,

которым должны по наследству доставаться не дробимые участки земли и пр. Все это расценивалось народниками как «революция наоборот» [7, с. 68], разделяющая и потому обессиливающая потенциальную человеческую базу социализма.

Летом — осенью 1917 г. как эсеры, так и народные социалисты резко критиковали большевиков, полностью игнорировавших моральные нормы в своей политической деятельности. Левые социал-демократы посредством самой откровенной демагогии апеллировали, по мнению народников, к самым низменным сторонам человеческой психики. Аргументация их была примерно такова: «зачем просить 8-часовой рабочий день, когда можно требовать 6- и даже 4-часовой» и т.п. Не предполагавшие ответственности призывы «Даешь!», «Долой!», «Смерть!..», рассуждения типа «А зачем мне Россия, из нее шубу не сошьешь», так успешно в период усталости от войны и вызванных ею массовых бедствий привлекавшие к большевикам фермент и опору революции – рабочих, солдат и матросов, были не в характере народников, продолжавших уважать «народ», несмотря на жестокое в нем разочарование.

Все вышесказанное можно резюмировать следующим образом. Эсеров и энесов на политическом поприще объединял, в первую очередь, широко демократический подход к определению трудового народа — в отличие от марксистов, не считавших крестьянство полноценным социалистическим классом в силу его «мелкобуржуазной сущности». В то же время эти две народнические партии довольно многое разделяло: отношение к средствам и методам борьбы (эсеры по большинству были гораздо радикальнее умеренных народных социалистов), к характеру партийной организации (энесы, в отличие от эсеров, всегда настаивали на открытости партии, то есть, фактически, на ее легальности). Был у них и целый ряд программных несогласий (прежде всего по земельному вопросу — социализация у эсеров и национализация у энесов), множественные социально-психологические расхождения и другие факторы, помешавшие созданию в России единой неонароднической партии. Однако базовые подходы к проблеме и средствам формирования гражданского самосознания у обеих партий были схожи, поэтому их целесообразно сопоставлять и рассматривать параллельно.

Можно с уверенностью сказать, что неонароднические партии внесли неоценимый вклад в дело развития политической культуры российского общества на микро- и макроуровнях [11, с. 19], получив прекрасный промежуточный результат своей деятельности — общественное признание и симпатию широких трудовых масс. Отражением такого успеха явилось то, что партия социалистов-революционеров в 1917 г. как организация побила все российские рекорды численности: летом 1917 г. в нее входило около 1 млн человек, объединенных в 436 организаций в 62 губерниях, на флотах и на фронтах действующей армии [12, с. 307]. Народные социалисты не стали массовой партией, но имели большое влияние среди трудовой интеллигенции и в крестьянских общественных организациях. Представители как народных социалистов, так и социалистов-революционеров в дни Великой Российской революции находились на самых ответственных государственных постах, однако, увы, не смогли навязать России через свое влияние на «демос» собственную модель общества гуманизма и социальной справедливости, то есть не сумели, при всем своем авторитете, мобилизовать массы на достижение главной цели своей деятельности — построение социалистического общества на началах широкой демократии. Народникам не хватило государственно-управленческого опыта, а, главное, расторопности и политического цинизма в условиях войны и аномии, — качеств, проявленных их более удачливыми соперниками — большевиками. Однако следует признать правоту известного исследователя

М. Д. Карпачева в том, что народничество занимало исключительно важное место в общественной и культурной жизни нашей страны, поскольку, «являясь духовным детищем русской интеллигенции, это идейное течение вдохновило отечественных демократов на беспрецедентно напряженные поиски путей и способов освобождения «простого» народа от социального и политического угнетения [13, с. 7].

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №19-09-00059А.

Список литературы:

1. Валентинов Н. В. Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993.
2. Леонов М. И. Народничество в партийных и общественных отношениях рубежа XIX–XX вв. // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2019. С. 146-161.
3. Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
4. Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с.
5. Журавлев В. В. Социально-психологические типы акторов поворотных эпох // Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Орел. 2016. С. 17-35.
6. Кадиков Э. Р. Аграрный вопрос в России в начале XX века: взгляд социалистов-революционеров // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М., 2014. С. 117-127.
7. Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
8. Пешехонов А. В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. №6. С. 210-237.
9. Революционная Россия. 1903. №31.
10. Пешехонов А. В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. №7. С. 140-177.
11. Протасова О. Л. Деятели российского демократического социализма первой четверти XX века на родине и в эмиграции. Рига, 2019. 252 с.
12. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
13. Карпачев М. Д. О новых и старых подходах к периодизации истории русского народничества // Народники в истории России. №2. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 7-19.

References:

1. Valentinov, N. V. (1993). Nedorisovannyi portret. Moscow. (in Russian).
2. Leonov, M. I. (2019). Narodnichestvo v partiinykh i obshchestvennykh otnosheniyakh rubezha XIX–XX vv. In: *Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, issue 3, 146-161.* (in Russian).
3. Protasova, O. L. (2004). A. V. Peshekhonov: Chelovek i epokha. Moscow. (in Russian).
4. Shubin, A. V. (2007). Sotsializm. Zolotoi vek teorii. Moscow. (in Russian).
5. Zhuravlev, V. V. (2016). Sotsial'no-psikhologicheskie tipy aktorov povorotnykh epoch. In: *Nravstvennye aspekty politicheskoi deyatel'nosti v teorii, programmatike, partiinoi praktike i*

zakonotvorchestve rossiiskogo liberalizma: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Orel. 17-35. (in Russian).

6. Kadikov, E. R. (2014). Agrarnyi vopros v Rossii v nachale XX veka: vzglyad sotsialistov-revolutsionerov. In: *Sud'by demokraticeskogo sotsializma v Rossii: sbornik materialov konferentsii, Moscow. (in Russian).*

7. Protasova, O. L. (2004). A.V. Peshekhonov: Chelovek i epokha. Moscow. (in Russian).

8. Peshekhonov, A. V. (1905). Khronika vnutrennei zhizni. *Russkoe bogatstvo*, (6), 210-237.

9. Revolyutsionnaya Rossiya. (1903). No. 31. (in Russian).

10. Peshekhonov, A. V. (1905). Khronika vnutrennei zhizni. *Russkoe bogatstvo*, (7), 140-177. (in Russian).

11. Protasova, O. L. (2019). Deyateli rossiiskogo demokraticeskogo sotsializma pervoi chetverti XX veka na rodine i v emigratsii. Riga. (in Russian).

12. Protasov, L. G. (2014). Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie. Moscow. (in Russian).

13. Karpachev, M. D. (2016). O novykh i starykh podkhodakh k periodizatsii istorii russkogo narodnichestva. *Narodniki v istorii Rossii, no. 2. Voronezh*, 7-19. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 14.11.2019 г.*

*Принята к публикации
19.11.2019 г.*

Ссылка для цитирования:

Протасова О. Л., Пирожкова И. Г. «Трудовой народ» как объект идеологического воздействия неонароднических партий начала XX века // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №12. С. 473-482. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/49/59>

Cite as (APA):

Protasova, O., & Pirozhkova, I. (2019). 'Labor People' as an Object of Ideological Influence of Neo-popular Parties of the Beginning of the XX Century. *Bulletin of Science and Practice*, 5(12), 473-482. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/49/59> (in Russian).